

— Эй, Всесмысл Находчий, это вы?

Ну какого лешего? Уже и в кабаке кто-то моей живы жаждет. Или маны, как модно стало говорить. Короче, моих жизненных сил кто-то домогается, внимания моего, а может и моих услуг. Хотя за этим господина Всесмысла давно никто не искал. А голос ничего такой, приятный. Женский, низкий, обволакивающий голос. Хотя без него лучше— мешает ежевечернему ритуалу. Я надираюсь — тупо сижу над третьей кружкой бузиновой настойки. Да, кружкой, здоровой такой фаянсовой посудинкой, не какой-нибудь там стопочкой, и надираюсь. Тихий Хрущ, хозяин шалмана, знает мою меру. Третья — последняя, больше не нальет. Потом блаженно полным до краев повлекусь домой отсыпаться после трудового дня. Ха, трудового — клиентов что-то не видать уже четыре месяца, контору мою стороной обходят. Тихий Хрущ считает, это потому что я пью. Чушь, я пью, потому что делать больше нечего. Не идет клиент, ну и хрен с ним. Пусть катится к аспиду.

Я затушил дурилку, самокрутку, нашпигованную мухоморно-табачной смесью, поплевав на ее тлеющий кончик. Пригодится еще, после домусолу. Обернулся. Она стояла у меня за спиной. Ничего бабец — и фигура, и волосы, и мордаха. Не первой молодости, даже не второй, предпоследней — за тридцатник давно и безнадежно. Но вполне себе. А руки за спиной держит, чтоб я колец не увидел, не определил из какого она цеха, из каких кругов. Взглядом поелозил по ней снизу доверху и обратно, раздел мысленно, повертел — грудь, задница... Чтoб почувствовала.

Она почувствовала. Но не смутилась. И не обрадовалась. Индифферентно как-то отреагировала. Ну то есть, вообще не отреагировала. Закрылась.

— Ну, — буркнул.

В смысле, что да, это я, он самый Всесмысл и есть, а тебе, дамочка, лучше б мимо лесом чесать и побыстрее.

Она на соседний стул плюхнулась. Да нет, это я так, потому что само ее присутствие мешало, отвлекало от заполнения себя бузинятиной — не плюхнулась, наоборот, аккуратно свой задок ладненький пристроила. И газету мне под нос сует:

— Ваше же объявление?

В старой, проеденной на сгибе газетенке красным обведено: «Сыскная братия «Зрящее око». Всесмысл Находчий и его братия помогут каждому».

Светлый Хорст, где она эту дрянь отыскала? Я уж два месяца не даю никаких объяв. Без толку, никто в мое «Око» к моей братии, что лишь из меня единого состоит, не обращается. Когда я открывался, полный радостных ожиданий, назвался «Бдящее око». Потом передумал, не то что-то, вроде как я за всеми слежу неусыпно. Переназвался «Зрящим оком». Тихий Хрущ смеется надо мной, дразнит Бздящим оком. А мне все это уже

до зеленых болотниц — не выгорело дело, и аспид с ним — полдня сижу у себя, потом топаю сюда, заливаюсь бузинятиной по самые уши, потом тихо плыву сквозь теплый ласковый туман обратно, к топчану и подушке.

И не надо мне больше ничего.

А тут эта. Я всмотрелся в ее мордашку. Она чуть колыхалась в спиртовых парах. То ли было в ней что-то смутно знакомое, то ли все эти бабы на одно рыло.

— Ну, мье объед... обля... Мье кроче, — заплетается язык-то.

На третьей кружке бузинятины я только с Тихим Хрущом нормально говорить могу. Потому что он тихий. В смысле, вообще не говорит. Глухонемой он, Хрущ-то. Мыслями разговаривает. А в мыслях у меня язык не заплетается никогда.

Она затараторила. Хочет-де нанять мою братию, у нее-де важное дело. Я пытался слушать, но сквозь сгустившийся уже туман слова долетали до моих ушей измочаленными, пережеванными, и понять я ничего не мог. У нее пропала не пойми какая хрень. Неопределимая. Подошел Хрущ, сказал ей что-то, для меня неслышное. Да и так понятно: не ко времени ты, дамочка, сейчас с него, с меня то есть, толку, как с козла молока, с утра ловить момент надо, когда проспится. Она на него круглыми глазами уставилась, типа: мне срочно надо, я до утра ждать не могу. Хрущ руками развел: тогда волоки его домой и снимай дурь. Она кивнула. Я хоть и не мыслевед, но разговор ихний прекрасно понял. И еще понял, что нынче не дадут мне плыть по волнам блаженного опьянения, выдернут морковкой из теплоты матери-земли, поволокут на съеденье чужим проблемам.

Я поднялся и понес свою наполненность к выходу. Тот ускользал, пританцовывал, отступая то влево, то вправо, поэтому приходилось двигаться галсами. «Привяжи его, а то свалится, — прошелестел Хрущ дамочке, но так, чтоб я услышал, — он парень башковитый, башка перевесит». На интонационный окрас своих мыслеслов он не тратился, речь без пауз и акцентов походила на монотонное жучиное жужжание. За это Хрущем и звали.

Куда меня надо привязать, я понял сразу, едва удалось поймать дверь и выбраться из кабака на улицу. К стене прислонилось помело. Мощное, как ломовик, грузовое помело. Значит, ведьма. В смысле, эта, которая за мной приперлась, она ведьма. Несмотря на мое сопротивление и заверения, что я бывалый ездок на помелах, метлах и вениках, она ловко принайтовала меня к дыну, и мы полетели. Навстречу мчалось черное, пробитое дырами звезд небо. Оно облипало меня, забивало рот мокрым холодным кляпом и с треском рвалось, улетающее прочь кусками смятой тряпки. А потом мир опрокинулся, и над моей головой понеслись перевернутые крыши со свисающими вниз башенками, флажками и флюгерами. Было смешно, я хохотал, и даже, кажется, пел что-то мало пристойное. Значит, все-таки свалился с помела.

Протрезвила она меня быстро, на мой взгляд, даже слишком. Похоже было на ускоренный стриптиз. Только что я был закутан в уютную одеяльную темноту опьянения, и вдруг раз — стою голышом под холодным белым светом, как в мертвецкой. Никогда я еще таким трезвым не был. Трезвым, прозрачным — заглянул в стекло своей души, и мне не понравилось. Разглядел лишь разочарование, мелочность, наплеватьство на все и вся, даже на себя, тоску и скуку. И кстати, эту дамочку тоже разглядел. Глубоко-глубоко, давным-давно, когда учился на сыскаря, я приударял то ли за ней, то ли за ее подружкой, то ли за ними обеими. Вот только имени ее не нашел, не вспомнил.

В трезвом уме мне неловко было оставаться в непрезентабельном виде — с почти бородой, две недели не брился, со спутанной не стриженной шевелюрой, в грязной вонючей майке. Мой видок вполне гармонировал с помещением вокруг нас, тоже грязным, запущенным, сиротским. Но прибираться на ночь глядя не буду. А вот в душ метнуться сам Хорс велел.

Только я из душа, заблямкал дверной звонок: «Кого еще Стрибог выдул к моему порогу?» Но дамочка метнулась первой, с кем-то побулькала низким, покатым своим голосом и втащила в комнату объемный бумажный пакетище. Сдвинув кучу обезличенной дряни на один угол стола, устала свободное место мисочками и коробочками из пакета. Мясным горячим духом защекотало ноздри.

— Это вам. Надо восстановить уровень живы, скоропостижный выход из запоя — вещь сильно затратная.

Ее руки мелькали над столом — так... на среднем персте десницы масляно поблескивает темный ободок кольца, веденейского, как я и думал, а камушек в ладонь развернула, какой у нее ранг не поймешь. Чего маскируется-то? Моя рука метнулась гадюкой — цап ладошку и перевернуть. У-у-у, лунный камушек — самый низший уровень, то ли начинающая, то ли бесталанная, такой полагаются только привороты-отвороты да гаданье на судьбу не далее трех лет вперед. Скорее бесталанная, я ж ее вроде вспомнил, добрый десяток лет да злой десяток зим назад в Академии волшебства пересекались, а она с той поры дальше и не продвинулась. Нет, не десяток — больше, больше. Давно беззаботная юность канула на дно колодца и крышкой захлопнулась.

Пока я ее ладонь в руке держал, она мне в лицо пялилась. В мое свежесбритое, умытое, правда, несколько осунувшееся от пьянства лицо. Ну что, вспомнила? Признала? Вижу, в глазах что-то замелькало, назад года отмазывая.

— Богша? — неуверенно молвила, — Богша Найдыш? Ты? А чего...

Конец ознакомительного отрывка